

АКАДЕМИК ВИКТОР МАКСИМОВИЧ ЖИРМУНСКИЙ — СВИДЕТЕЛЬ И УЧАСТНИК ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Начну с того, что может показаться читателю «не идущим к делу», фактом мелким и сторонним для литературоведения.

В. М. Жирмунский был коренным петербуржцем. Он родился в семье известного петербургского врача, учился в типично петербургской школе — училище В. Н. Тенишева, где было прекрасно поставлено преподавание гуманитарных дисциплин и где воспитывались многие будущие выдающиеся деятели русской интеллигенции. Достаточно сказать, что его преподавателями литературы были Вл. В. Гиппиус — поэт и ученый, участник движения символизма, а также известный педагог А. Я. Острогорский, автор считавшихся в свое время лучшими учебников по русскому языку и литературе, отец выдающегося югославского византолога, сербского академика Г. Острогорского. Историю преподавал И. М. Грэвс, именно в этом училище впервые применивший на практике экскурсионную методику преподавания, впоследствии блестяще развитую Н. П. Анциферовым. Путь в училище был для В. М. Жирмунского тоже своего рода экскурсией, помогавшей овладению русской историей и литературой. Школьник В. М. Жирмунский проходил мимо многих исторических зданий Петербурга, зданий, в которых еще витал дух живших в них великих русских писателей XIX в. Рядом помещалась квартира И. А. Гончарова, недалеко был дом редакции «Современника», — места, где жили Н. А. Некрасов, Н. А. Добролюбов. В зале Тенишевского училища, в котором помещался общедоступный и передвижной театр, а впоследствии, с 1922 г., ТЮЗ (Театр юных зрителей), руководимый А. А. Брянцевым, уже тогда происходили лекции и диспуты на различные философские и литературные темы. Как вспоминала А. М. Астахова, В. М. Жирмунский еще мальчиком интересовался всем наиболее значительным в интенсивной интеллектуальной жизни Петербурга начала XX в.

На историко-филологическом факультете Петербургского университета, где В. М. Жирмунский учился с 1908 по 1912 г., он занимался у выдающихся романо-германистов, интересуясь по преимуществу новоевропейской литературой. И это наложило сильнейший отпечаток на все его критические выступления и литературоведческие исследования последующего времени.

В. М. Жирмунский не писал мемуаров. Его «дневники» и его «мемуары» — это его статьи. Но эти статьи написаны современником и участником многих событий литературной и научной жизни Петербурга—Петрограда—Ленинграда. Однако очень редко, скромно и только в случаях крайней необходимости его работы включают прямые указания на то, что он видел или слышал. В. М. Жирмунский с редкой тактичностью никогда не делал себя собеседником знаменитостей и никогда не ссылался на свое участие в событиях литературной жизни.

В статье «Из истории текста стихотворений Александра Блока» В. М. Жирмунский замечает: «В таком виде Блок обычно читал это стихотворение на публичных вечерах в 1919—1920 гг.». В другом случае по поводу воспоминаний А. А. Ахматовой о деревне Слепневе, в которых она говорит о «бабах», казавшихся «стройнее античных статуй», В. М. Жирмунский в скобках замечает: «ср. картины З. Е. Серебряковой, относящиеся к тому же времени».¹ Это пишется им по поводу типично «петербуржской» художницы, которую он хорошо знал в пору ее наивысшего успеха. Примеров такого рода скромности «свидетеля» тех лет, не желающего афишировать свои связи, можно было бы привести много.²

¹ Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977, с. 239, 331.

² Приведу еще одно замечание В. М. Жирмунского, позволяющее обнаружить в нем активного театрального зрителя тех лет. Сравнивая «Египетские ночи» Брюсова с одноименным произведением Пушкина в работе «Валерий Брюсов и наследие Пушкина», В. М. Жирмунский пишет: «Единственное новое у Брюсова по сравнению с пушкинским замыслом — это появление Аントония, завершающее третью ночь и, по-видимому, попавшее в поэму из фокинского балета» (Жирмунский В. М. Теория литературы..., с. 178). Речь идет о балете М. М. Фокина «Египетские ночи», поставленном в Мариинском театре 26 января 1908 г. (см. список постановок М. М. Фокина в кн.: Фокин М. Против течения. Л.; М., 1962, с. 614). Впоследствии балет вошел в репертуар Мариинского театра. В заграничной версии балета (с новым названием «Cleopatra») партия Аントония была убрана.

В своем анализе творчества Блока, Ахматовой, Брюсова, Мандельштама, Кузмина молодой В. М. Жирмунский выступает как их современник. Он анализирует то, что привлекало наибольшее внимание читателей тех лет. Он был знаком со всеми названными поэтами и дружил, особенно в последние годы ее жизни, с А. А. Ахматовой, а также со многими выдающимися литературоведами и критиками своего времени. Он обладал в высокой степени общественным темпераментом и умел находить в людях их ценные стороны. Очень редко можно было от него услышать отрицательное мнение о ком бы то ни было. Он жил как современник всех наиболее значительных людей своего времени. Это в полной мере сказалось в тех его работах, которые представлены в его «Теории литературы». Это документы эпохи, литературной жизни. И эта черта его работ ценна для нас, несмотря на то что они обладают и другими очень существенными достоинствами, как работы крупнейшего русского и советского филолога первой половины XX в.

Необходимость фиксировать свои впечатления он осознавал в полной мере. Свою статью «Из истории текста стихотворений Александра Блока» В. М. Жирмунский начинает с указания на значение современного осмысливания поэзии Блока: «Поэт является живой и действенной силой в художественном сознании современников...».³

И если на первых страницах своей книги «Поэзия Александра Блока» (1921) В. М. Жирмунский говорит о присутствии в поэзии Блока «бесконечного, божественного, чудесного»,⁴ то это не «ложный акцент» и не ошибка исследователя, — это именно восприятие современника поэзии Блока. Это не столько суждение, сколько «свидетельство», к которому следует относиться как к документу эпохи.

Особенно необходимо учитывать то, что говорил В. М. Жирмунский в начале своей книги «Поэзия Александра Блока»: «... для людей нашего поколения, воспитанных на Блоке, радовавшихся и болевших его песнями, — интимное и личное посвящение в его поэзию дает сознание какой-то объективной и сверхличной правоты, когда словами, по необходимости внешними и холодными,

³ Жирмунский В. М. Теория литературы..., с. 238.

⁴ Жирмунский В. Поэзия Александра Блока. — В кн.: Жирмунский В. Вопросы теории литературы. Л., 1928, с. 190.

мы говорим об историческом значении его явления среди нас. В этом отпоплении мы знаем больше, чем будущий историк, который подойдет извне к пережитому нашими современниками и будет рассказывать потомству о творчестве последнего поэта-романтика».⁵ И В. М. Жирмунский, конечно, прав: он действительно «знал больше», чем любой будущий историк, знал как современник и даже просто как петербуржец — одногорожанин Блока и Ахматовой.

Однако быть свидетелем не означает еще быть безошибочным судьей. Как современник Блока, молодой В. М. Жирмунский характеризовал его более субъективно, чем это можем сделать мы или чем это делал он сам в последние годы своей жизни. Выше говорилось, в каких словах характеризовал В. М. Жирмунский творчество Блока в начале книги «Поэзия Александра Блока». В последней же своей книге «Драма Александра Блока „Роза и Крест“» он выделяет особую главу, специально посвященную «социальным мотивам» в этой драме Блока, — мотивам, которые в свое время не замечались. Как и все свидетели эпохи (за редкими исключениями), В. М. Жирмунский был слишком во власти тогдашних своих настроений. Надо было пережить опыт десятилетий, чтобы взглянуть на эпоху с некоторого расстояния и в более обобщенной и правильной перспективе. Это чувствовал и сам ученый, постоянно возвращавшийся к темам своей молодости и в своей последней статье об Ахматовой и Блоке, в книге об Ахматовой и в исследовании о драме Блока «Роза и Крест» создавший как бы «рамку» для всего того, что он писал об Ахматовой и Блоке в молодости. Потребность вносить поправки в свои работы ранних лет не оставляла его никогда.

Почему же все-таки нельзя ограничиваться работами В. М. Жирмунского последних лет и исключать ранние работы, носящие литературно-критический характер? Дело не только в том, что наряду с более правильными суждениями в последних работах уже все-таки утрачено кое-что от первоначальной свежести восприятия современника. Дело еще и в том, что работы В. М. Жирмунского оказывали обратное влияние на поэзию своего времени и без них нельзя понять литературного процесса начала XX в.,

⁵ Там же.

Виктор Максимович Жирмунский (1928 г.)

несмотря на то что в терминологическом аспекте ранние его работы далеки подчас от наших современных представлений.

В. М. Жирмунский был не только свидетелем литературной жизни всей первой половины XX в., но только присутствовал при чтении поэтами своих стихов на «башне» у Вячеслава Иванова, в артистических кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиаптов», в зале училища Тенишева, где наряду с выступлениями поэтов происходили привлекавшие всеобщее внимание диспуты «традиционистов» и «формалистов», не только слушал выступления крупнейших литературоведов, писателей, философов в зеленом зале «Зубовского дворца» — Института истории искусств, а впоследствии Института речевой

культуры (ИРК), в ИЛЯЗВе — Институте литературы и языков Запада и Востока, помещавшемся в «ректорском доме» Ленинградского университета — доме, в котором родился Александр Блок, на собраниях ВОЛЬФИЛы («Вольной философской ассоциации» 1920-х годов) и не только бывал на премьерах пьес Александра Блока. Он, повторяю, был не просто счастливым свидетелем этой интенсивной литературной и научной жизни своего времени, но еще и ее активнейшим участником. Общественная активность В. М. Жирмунского постоянно толкала его быть то консультантом постановок в «Старинном театре», то участником диспутов, то популярнейшим лектором в Институте истории искусств, университете, Педагогическом институте им. А. И. Герцена, то докладчиком в Доме литераторов, и т. д.

Он был именно участником, и при этом одним из виднейших, литературной жизни и литературной науки. Его труды — это не просто труды ученого, который прочно вошел в нашу науку, с которым мы связываем многие собственные идеи и знания, — это также, бесспорно, события русской культурной жизни своего времени. Таким событием была, например, работа «Преодолевшие символизм» (1916). Положения этой работы отразились, как вспоминала впоследствии А. А. Ахматова, на ее поэзии. Событием была и статья «Задачи поэтики» (1919). Событием, приведшим к первому разочарованию широкого читателя в «формализме», была статья В. М. Жирмунского «К вопросу о „формальном методе“» (1923). Все эти работы вошли в историю русского и советского литературоведения, они были в известном отношении этапными, — этапными не только для самого ученого, но и для его современников-филологов. Они знаменовали собой какие-то переживавшиеся им самим переломы и предугадывали переломы в направлении научных, методологических исканий его современников.

Работы В. М. Жирмунского являются работами о современных автору явлениях литературной и литературоведческой жизни. Не случайно многие из его трудов начинаются с прямого указания на актуальность затрагиваемых в них вопросов. Так начинаются статьи «Задачи поэтики», «Валерий Брюсов и наследие Пушкина» и многие другие.

Современник, умный и трезвый свидетель событий, никогда не впадавший в крайности научной или литера-

турной моды, В. М. Жирмунский мог поэтому не только объективно оценить то, что происходило перед его глазами, но и предугадать будущее развитие того или иного поэта, а иногда и подсказать ему поэтические решения. Его работы о Блоке, Ахматовой, его суждения о Кузмине, Маяковском, Сологубе, Мандельштаме читали сами поэты. В какой-то мере эти работы были «беседами» с ними. И это не следует забывать. Мы знаем, как ценили свое знакомство с В. М. Жирмунским и Блок, и Ахматова, как они пользовались его консультациями и как прислушивались к его доброжелательным, широко компетентным и всегда строгим и независимым оценкам. Именно В. М. Жирмунский направил С. Я. Маршака на переводческую деятельность, подсказав ему и область переводов: английские баллады и поэзию Бернса.

Но не только это следует сказать о работах В. М. Жирмунского по поэтике.

Путь В. М. Жирмунского-литературоведа был путем длинным, но не запутанным. Если читатель станет читать его работы в хронологической последовательности, он заметит важную закономерность во внутреннем развитии ученого. Это развитие в целом и в главном совпадает с движением советской литературоведческой науки, оно идет по тому же направлению: от строгого академизма через отталкивание от крайностей «формализма» к признанию исторических и социальных факторов в поэтике.

В конце 1910-х годов, после Великой Октябрьской революции и в 1920-е годы, когда шли острые поиски нового во всех областях культурной жизни, В. М. Жирмунский активно участвует своими работами в развенчивании старого академического литературоведения.

Впоследствии В. М. Жирмунский вспоминал, что еще на студенческой скамье испытывал острое ощущение недовольства традиционным литературоведением. Это недовольство в значительной мере определило и его отношение к «формальной школе» в литературоведении. С одной стороны, он занимается теми же проблемами, что и «формалисты», но с другой — ищет собственных путей, замечает узость «формальной школы», стремится к анализу формы произведений в тесной связи с анализом их содержания. Содержание и форма неразрывны для него в художественной системе произведений. Он ищет пути к целостному и историческому анализу стиля — будь то стиль автора или стиль целого литературного произве-

Виктор Максимович Жирмунский
(60-е годы, фотография Д. С. Лихачева)

дения. Полемизируя с книгой Б. М. Эйхенбаума «Мелодика стиха», В. М. Жирмунский писал в 1922 г.: «... только единство стилистических приемов и прежде всего смысл стихотворения, его особый эмоциональный тон определяют собой напевность стиха».⁶

Его взгляды вырастали из явлений современной ему литературной жизни и поднимались до осознания этих явлений как имеющих надэстетическую сущность.

Статья «Поэзия Александра Блока» была «попыткой установления связи между „чувством жизни“ и искусством поэта».⁷

⁶ Жирмунский В. М. Теория литературы..., с. 75.

⁷ Жирмунский В. Вопросы теории литературы, с. 9.

Определяя истоки своего интереса к проблемам словесного искусства, В. М. Жирмунский писал: «Для меня вопросы словесного стиля встали с особой отчетливостью под влиянием кризиса символизма и резкого перелома поэтических вкусов, связанного с выступлением нового поколения поэтов — „акмеистов“. Статья „Преодолевшие символизм“ (написана летом 1916 г.) и книга „Валерий Брюсов и наследие Пушкина“ (декабрь 1916—февраль 1917 г.) написаны именно в это время и расширяют столкновение двух современных литературных групп в типологическую противоположность принципиально по разных стилей».⁸

В развитии взглядов В. М. Жирмунского по вопросам поэтики значительную роль сыграли две его черты как ученого: способность жить окружающей его литературной и научной жизнью, откликаться на наиболее острые и актуальные проблемы времени и особого рода драгоценная трезвость — умение сразу же оценить и достоинства, и недостатки нового литературного или научного явления, теории, направления.

Подобно тому как взгляды «формалистов» зависели от теории исторической поэтики А. Н. Веселовского, взгляды на литературу В. М. Жирмунского также были связаны с этим ученым. Вместе с тем он не повторял А. Н. Веселовского: влияние последнего на В. М. Жирмунского по следуем, пожалуй, даже называть влиянием. Просто это была одна и та же область размышлений и сходство размышлений в разных областях литературоведения. Но так или иначе научное развитие В. М. Жирмунского и «формалистов» — В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, Р. О. Якобсона, О. М. Брика и других — совершилось в сходных сферах интересов и в условиях общей неудовлетворенности академическим литературоведением. Систематический ум В. М. Жирмунского, однако, сразу же заставил его критически отнестись к «формальной школе» в литературоведении, хотя надо сказать, что, не будучи старше своих друзей-«формалистов», он был опытнее их в организационных вопросах, и первые сборники более или менее серьезных, а не просто эпатирующих общественное мнение работ «формалистов» (*«Поэтика»*, 1927—1929) вышли под его редакцией и благодаря его организаторской энергии.

⁸ Там же, с. 10.

Система «формальной школы» была подвергнута В. М. Жирмунским спокойной и основательной критике. Но В. М. Жирмунский не был еще тогда тем, кем он стал в 1930—1940-е годы, и его критика была в значительной мере «kritikoy iznutri». Он критиковал «формализм» как систему. Вскрытие единства в изучении стиля и художественной сущности литературных произведений было для него главным. Исходя из представлений о стиле как о единстве приемов (термин «прием» В. М. Жирмунский считал недостаточным и неточным, но продолжал его все же употреблять, как понятный для того времени), он включал в художественную систему также и содержание произведения. Стиль был для В. М. Жирмунского отражением миросозерцания поэта и в качестве такового теснейшим образом связывался с историей литературы и историей культуры в целом. Литература всегда была для В. М. Жирмунского отнюдь не замкнутой областью чисто эстетического порядка, а явлением народной жизни.

На каждом этапе своего развития В. М. Жирмунский дал классические примеры изучения творчества поэтов. Его первая книга об Александре Блоке была вообще первой научной работой о поэте и постоянно учитывается сейчас в нашем блоковедении. Книга о драме Блока «Роза и Крест» стала классическим исследованием творческой истории произведения.

В статье «Анна Ахматова и Александр Блок» — последней своей, «лебединой песне», по словам В. М. Жирмунского, — он истолковал как явление творчества биографические моменты встреч и взаимоотношений этих двух поэтов, его современников, начав статью и кончив ее энергичным заявлением, что личные взаимоотношения обоих не являются предметом его интересов, и решительно отказавшись тем самым от «лакомого кусочка» для обывателей, которых прежде всего интересовала бы тема: «была ли между обоими любовь или не была».

В связи с этим необходимо сказать, что В. М. Жирмунский был особенно тактичен в своих впечатлениях современника, когда дело касалось биографических частностей. В его работах всегда чувствуется, что он знает больше, чем ему подсказывают издания и рукописи, но все то, что он знает как свидетель, служит ему только путеводителем для розыска документальных материалов.

Он как бы стремится отойти от всего слишком личного, интерес к чему так характерен для многих современных нам литературоведов. В начале статьи «Анна Ахматова и Александр Блок» В. М. Жирмунский писал: «Мы будем исходить в дальнейшем из этих неоднократно повторенных признаний Ахматовой (в ее мемуарных записях, — Д. Л.) и не считаем необходимым вообще углубляться в интимную биографию художника».⁹

Будучи чутким современником, в своих работах В. М. Жирмунский постоянно «преодолевал» в себе «свидетеля эпохи» и все более приближался к историческому изучению всех проблем литературы.

Таким образом, прослеживая развитие интересов и подхода В. М. Жирмунского к поэтике, мы должны отметить, что, начав с исследования стиля, он, постепенно расширяя это понятие, перешел к исследованию содержания, истории текста, даже биографических фактов, но под единственным углом зрения — объяснения художественности произведения и художественного творчества автора, подчиняя этому все компоненты, из которых складывается творчество.

В. М. Жирмунский был исключительным мастером анализа стиля в его широком, а не только узкоязыковом понимании. Будучи исключительно эрудированным лингвистом и прямо заявляя в своих первых работах, таких как «Задачи поэтики» и «К вопросу о „формальном ме-

⁹ Заканчивая статью «Анна Ахматова и Александр Блок» и толкуя стихи Ахматовой

Покорно мне воображенье
В изображенъи серых глаз,

где есть строка «Прекрасных рук счастливый пленик...», В. М. Жирмунский пишет: «Современники говорили, что у Л. А. Дельмас, воспетой Блоком в образе Кармен, были прекрасные руки». Но тут же В. М. Жирмунский, как бы спохватившись, замечает: «Впрочем, упоминая о „разговорах“ в кругу современников, мы никоим образом не хотели бы возвращаться к оставленной в начале этой статьи биографической теме», т. е. теме возможной любви Ахматовой к Блоку. Отвращение В. М. Жирмунского к «разговорам» на биографические темы простипалось настолько далеко, что, будучи близко знакомым с А. А. Ахматовой в последние годы и постоянно пользуясь в своих работах устно сообщенными ею сведениями, он никогда не считал возможным ссылаться на слова, сказанные ему Ахматовой, а всегда подыскивал для них документальные подтверждения. Ср.: Жирмунский В. М. Теория литературы..., с. 325, 354.

тоде¹⁰», что анализ стиля должен совершаться в подчинении лингвистике и по тем рубрикам, которые подсказываются языкоznанием,¹⁰ он вышел впоследствии далеко за лингвистические пределы, сопоставив стилистические явления языка и других сфер: архитектуры, орнамента и т. д.

Впоследствии тезис В. М. Жирмунского о том, что изучение стиля должно опираться на лингвистику, высказанный им в статье «Задачи поэтики», стал повторяться многими (и «формалистами» и «структураллистами»), по редко кто вспоминал при этом, что сам В. М. Жирмунский в той же статье вывел понятие стиля далеко за пределы лингвистики и наметил возможность объединить изучение искусства слова с изучением других искусств в пределах одного стиля, определяемого им как единство приемов. Статья В. М. Жирмунского «О поэзии классической и романтической» дает блестящий пример этих возможностей.

Если отступить от историографической точки зрения на работы В. М. Жирмунского по поэтике и взглянуть на них с точки зрения их ценности для науки сегодня, то необходимо сказать, что работы эти могут научить прежде всего анализу стиля как художественного единства. Сопоставления классицизма с романтизмом, сопоставления стилей Блока и Ахматовой, Пушкина и Брюсова, развернутая рецензия на книгу Б. М. Эйхенбаума о методике стиха и многое другое могут быть по праву названы не превзойденными в нашем литературоведении по мастерству образцами изучения стиля, в значительной мере создавшими ту школу литературоведческого анализа, которая является славой и гордостью советского литературоведения.

(Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977, с. 5—14)

¹⁰ В работе «Задачи поэтики» В. М. Жирмунский пишет: «Но поскольку материалом поэзии является слово, в основу систематического построения поэтики должна быть положена классификация фактов языка, которую дает нам лингвистика» (см.: Жирмунский В. М. Теория литературы..., с. 28).